

На всех фронтах

Следующий, 1976 год начался с события новогодней ночи.

Мне попался тесть, абсолютно безразлично относившийся к спорту и, по-моему, считавший такие увлечения недостойными интеллигентного человека, каким он хотел бы видеть своего зятя. А я, выросший в семье настоящего болельщика и сам болельщик, не понимал, как интеллигентный человек может лишаться себя такого удовольствия. В конце концов, мы могли бы и не выяснять отношения на этой почве, но телевизор в доме был один и стоял он в комнате у Танькиных родителей. Какое-то время я стеснялся лезть к ним смотреть футбол, а потом все-таки объяснил, что длительная депривация может привести к непоправимым последствиям, но и после этого смотрел только то, чего не смотреть было нельзя.

Матч ЦСКА – Монреаль Канадиенс в новогоднюю ночь 1976 года к таким событиям относился безусловно. Уже прошли две серии игр между сборными СССР и Канады, сам факт очень близкого уровня советского и заокеанского хоккея был уже удостоверен, но вокруг этой темы еще бродили всякие пересуды, и главное «но», которое выдвигали наши оппоненты – это то, что вообще игра сборными для

Монреаль Канадиенс – ЦСКА. Михайлов (№ 7) показывает, что сейчас отдаст Харламову (№ 17), а сам бросает и забивает

НХЛовцев непривычна и не дает проявить лучшие качества, которые, конечно же, сосредоточены в клубах. Ну, вот и устроили суперсерию со всеми удобствами для НХЛовцев – игры ЦСКА и Крыльев Советов только в США и Канаде против реномированных клубов. В первом матче армейцы безоговорочно размазали Нью-Йорк Рейнджерс – 7:3, а в следующем матче должны были встречаться с Монреаль Канадиенс – таким же хрестоматийным символом канадского хоккея, как ЦСКА – советского.

Матч по монреальскому времени начинался в предновогодний вечер, а по

московскому под утро 1 января. И я заранее предупредил, что буду смотреть этот матч, чего бы и кому бы это ни стоило. Видимо, по маниакальному блеску в моих глазах всем стало ясно, что тут со мной лучше не спорить...

ONE OF THE GREATEST HOCKEY GAMES IN XX CENTURY ...

YouTube · Wolf Hockey · 10 Dec 2021

YouTube

А это он уже забил...

Под утро, не проспавшись после новогодней гулянки, я вздремнул у телевизора на край софы, на которой пытались не проснуться Танькины родители. Всем своим видом я давал понять, что убрать меня отсюда можно, только убив. Смотрел я, естественно, без звука и, главное, не мог испускать никаких звуков сам, что было невероятно мучительно. Канадцы обрушили на ворота Третьяка град бросков – раза в три больше, чем наши по воротам Драйдена.

Мы все время проигрывали, но в третьем периоде все-таки сравняли. К счастью, к тому времени тесть и теща все-таки проснулись, и я заорал. Потом, когда Попов мог принести нам победу, но из верной ситуации угодил в штангу, я не удержался и произнес что-то невнятно-нецензурное и до самого конца трансляции чувствовал на спине тяжелый груз взглядов хозяев комнаты... И все-таки ничья с великим «Монреалем» (3:3), да на его поле – это было такое счастье, что после финального свистка груз со спины я легко сбросил, и даже не очень-то отбрехивался от упреков по поводу своего поведения – ну что это, по сравнению с испытанным!

Вопрос о соотношении сил советского и канадского хоккея – на уровне сборных и клубов был решен – равенство сил при бросающейся в глаза разности стилей. Однако, сугубо для точности. У нас основной ударной силой были тройки Михайлов – Петров – Харламов и Викулов – Жлуктов – Б. Александров, но все-таки ЦСКА были немножко сборной: наш состав дополняли такие величины, как Мальцев и Васильев из Динамо и Солoduхин из Питера. А у гастролировавших одновременно Крылышек играла, на минуточку, спартаковская тройка Шалимов – Шадрин – Якушев, сильнейшая в том составе и принесшая команде наибольшее количество голов.

***

Сильные эмоции пришлось испытать и по поводу, от которого этого не ждали – в Москве открылся XXV съезд КПСС. Ну, и что, казалось бы, однако наше Институт настигли крутые последствия давнего розыгрыша...

Эту историю я знаю со слов своего шефа и главного героя этой истории, поскольку началась она довольно давно – я там тогда еще не работал. В начале 70-х возникло некое «смутное время» – никак не решался вопрос о назначении нового руководителя Института. И вот доктор В. решил устроить первоапрельскую шутку и сфабриковал на имевшихся у него бланках Президиума АН СССР три письма трем институтским профессорам. В письмах говорилось, что руководство АН рассматривает кандидатуру данного ученого на пост директора института и просит явиться в такой-то кабинет Президиума для обсуждения.

Первый из адресатов профессор З., поработавший в Президиуме АН, только глянув на эту цидулю, заявил, что такие дела так не делаются, такие бумаги так не пишутся... и выбросил это из головы.

Профессор Д., когда ей ее собственный выученик подsunул эту бумагу, дрожащим голосом с полными слез глазами обратилась к своей любимой сотруднице со словами: - Маша! Случилось страшное!

Когда ей, чтобы и вправду с ней не случилось страшного, открыли глаза на проделку В., она зашла к нему в комнату и гневно заявила: - Вы дурак!

С профессором Л. получилось хуже всего – его поймали на выходе из парикмахерской, откуда он, подстриженный и побритый, уже намылился в Президиум... Гнев профессора, обманутого в своих сокровенных ожиданиях, был ужасен. Поймав в коридоре доктора В., он ему заявил: - Я буду мстить долго и порционно!

И отомстил...

Прошло порядочно времени, и в Институте узнали, что в адрес съезда КПСС поступило письмо профессора Л. и его сотрудницы Х. В письме Институт был обвинен в том, что работы русских ученых в нем подвергаются зажиму и поношению, а кадры засорены евреями и «жидовствующими» – теми, кто евреями не являлся, но профессору Л. лично не нравились. Открывал список «жидовствующих» доктор В. Параша насчет «засоренности кадров», вообще-то, была безотказным ходом, но от этих обвинений Институт героически отмазался, документально доказав, что за последние годы не принял на работу ни одного «такого» (в том числе, и меня). Однако, хотя «факты и не подтвердились», но отреагировать на донос как-то все равно было нужно, и доктора В., ставшего между тем заместителем директора, с должности поперли. Цели своей, таким образом, профессор Л. достиг... Между прочим, устроить «этническую чистку» и отчитаться о принятых мерах дирекции Института было легче, но опускаться до этого не стали... Обошлось и в этот раз...

***

Танька

На первый план вышли более радостные заботы. Танька моя во время беременности расцвела, такая красавица... И в положенный срок я отвез ее в роддом на Маломосковскую. Утром стал трезвонить в справочную – сказали: - Мальчик. 50 см, 2800. Все время Танькиной беременности на вопросы «кого хотите?» я сурово отвечал «кто получится», но хотел для начала сына. И получил, потому что не жлобничал.

На пятый день Таньку с Женькой выписали. Увидел я своего сыночка – мелкая сосиска с тремя волосинами, аккуратно уложенными по лысому черепу. Но очень понравился. Только вот что-то Таньку познабливало, решили – от переутомленности, но к вечеру температура выросла до 37,5, а наутро – уже 38,5. Вызвали скорую, фельдшера в машине не было, носилок – тоже, лифты в наших хрущевских пятиэтажках были не предусмотрены. Снес Таньку на руках со второго этажа, кто-то из бабушек нес Женьку, который еще и Женькой-то не был – как назвать, решили уже в карете скорой.

Отвезли в больницу, состояние было тяжелое, да еще мы увидели, каких золотушных детей выносят

при выписке – моя мама бросилась совать червонцы медсестрам, чтобы за ребенком присмотрели. Потом трезвонили в больницу и часов в 11 вечера услышали, что после операции температура упала.

Врачи говорили, что опасность была серьезной, но обошлось. От волнений о Таньке, которая на третий день уже стала сама звонить домой, перешли к волнениям за Женьку – он не звонил. Через две недели их выписали, сразу посмотрели на Женькино личико – вроде чистое. Принесли домой – ужас! Попа совершенно, как у павиана, – красная и твердая. «Материального стимулирования» хватило только на то, чтобы ему физиономию протирали. Стали сына мыть в очереди, смазывать, присыпать. Последняя болячка отвалилась месяца через два, когда я уже вернулся из экспедиции.

***

Да, в экспедицию я все-таки поехал, хотя и с большим опозданием и всего на три недели. И вот тут-то и случился прорыв в работе. Я был полон энтузиазма – и от радости от рождения Женьки, и от того, что все обошлось. А в том настроении я на все был способен, тем более что появился новый плодотворный методический подход, обнаруженный в работе французского и итальянского исследователей. Результат получили в первых же опытах – нашими веществами удалось добиться нарушения межклеточных взаимодействий, так что образовывалось нечто вроде сямских близнецов. Первую пару опытов мы поставили с шефом в четыре руки – на двух видах морских ежей, а потом шеф, убедившись, что дело пошло, занялся другими своими идеями, предоставив мне полную самостоятельность.

Поскольку времени в этот раз было совсем мало, я поставил себе раскладушку прямо в комнате, где работал, и укладывался глубоко ночью - перехватить несколько часиков, периодически просыпаясь, чтобы посмотреть результаты опытов. И впервые за время работы у Бузникова у меня возникло ощущение, что что-то сдвинулось, что есть, за что зацепиться.

Работа шла под своеобразное сопровождение: периодически, переключая каналы на телевизоре, местные ребята попадали на северо-корейский канал – до границы с КНДР там было километров 30. В этих случаях на экране всегда был достойный товарищ в визиточном костюме, на груди – иконка с Ким Ир Сенем.

Говорит, говорит, иногда голос резко повышается – наверное, это когда о любимом вожде и учителе... Однажды все в лаборатории были заняты, пультов дистанционного управления еще не было, и минут 40 на экране был достойный товарищ с его резко повышающейся до визга интонацией... Еще как-то раз была достойная товарищ – немолодая дикторша, тоже долго говорила, говорила, иногда и у нее голос резко повышался – тоже, наверное, о любимом учителе... Только раз нам повезло, единообразие было нарушено, и на экране появился Краснознаменный ансамбль песни и пляски Корейской народной армии. Он пел чего-

Улыбка сына

то героического... Больше ничего и никогда мне телевидение КНДР так и не показало за все годы экспедиций. Даже футбола...

Больше радовали и в то же время огорчали письма из дома. Танька писала, как ест, пищит и растет сын. Написала, что, вот – Жек улыбнулся осознанно. Так я пропустил первый в его развитии ключевой момент. На следующий год он в мое отсутствие сам пошел, а еще через год Танька написала, что Жек складно заговорил. И всякий раз это происходило в мое отсутствие, и только успешность тех полевых сезонов немного подслащивала горечь. Надо было бы быть рядом с сыном, а не мотаться за семь тысяч километров, но у меня получилось вот так.

Вернулся я в Москву в начале октября и еще очень основательно успел поучаствовать и в пеленании, и в кормлении, и в стирке многочисленных пелёнок и ползунков – о памперсах мы тогда и не слыхивали!

По полученным в той экспедиции результатам мы написали статью – первую для меня в этой области. Кстати, еще когда я после первой экспедиции притащил шефу рукопись тезисов для конференции, он брезгливо на нее поглядел и

сказал: - Юра, чем я буду учиться читать ваш анафемский почерк, научитесь-ка лучше на машинке печатать.

Этот совет имел полезные последствия: я, действительно, научился довольно ловко печатать восьмью пальцами. Конечно, все последующие публикации я уже готовил на машинке, а потом, когда мы с женой стали подрабатывать во Всесоюзном Центре Переводов, сильно сэкономили на перепечатке и даже купили изящную портативную югославскую машинку «Унис» со стандартным шрифтом.

Случилось и важное изменение в нашей жизни. Дом 1901 года постройки, принадлежавший в то время страховому обществу «Россия», в Боброве переулке напротив Главпочтамта, куда семья моих родителей перебралась в 68-м, числился под снос в связи с проектировавшимся строительством Новокировского проспекта¹, а потому в него никого не прописывали. И вот осенью мою маму во дворе надумили – из 25-й квартиры на четвертом этаже выехала получившая новое жилье семья, и там освободились две комнаты. Мама отправилась в райисполком и, конечно же, в силу своих чар, немедленно встретила там депутата Гордикову, которая прониклась к ней симпатией и помогла с оформлением заявления. Вскоре было получено и решение райисполкома о выделении нашей молодой семье двух комнат, но маму предупредили, что теперь предстоит все это реализовать в райжилотделе, а там свои порядки, и без «подарочка» туда лучше не соваться.

¹ Проект Новокировского проспекта был затем частично реализован в виде проспекта Сахарова, доведенного до Тургеневской площади. А наш дом так и остался стоять, и в соседний флигель в нашем дворе перенесли снесенную на площади Тургеневскую библиотеку.

Мама приобрела коробку дорогих конфет и отправилась в боевой поход. Тетка в жилотделе, узрев на столе красивую коробку, радостно улыбнулась и, воскликнув «ой, спрячу!» смахнула ее в ящик стола. Потом она принялась заполнять бумаги на квартиру и, вдруг остановившись, пытливо поглядела на мою маму и сказала: - Ой, какой у вас беретик красивый!

Беретик был, и впрямь, неплох – мама его сама связала в период увлечения этим делом. Она стащила его с головы и положила на стол, и он тут же под возглас «ой, спрячу!» проследовал в ящик в компанию к коробке конфет. Немного унизительно, но по нынешним временам – невероятно дешево за две комнаты в коммунальной квартире...

Потом за дело взялся я, и потребовалось около месяца, чтобы привести доставшиеся комнаты в пригодное для проживания состояние. Существенным препятствием для того, чтобы въехать в новую жилплощадь, была гора из зеленого пластилина высотой местами сантиметров в тридцать посреди большей комнаты. Это украшение соорудил младший сынишка соседей, пока комнаты стояли пустыми, он его еще инкрустировал гильзами от мелкашки. Сначала я срубал все это хозяйство ножом, потом добрался до паркета и стал соскребать с него остатки пластилина, оставившего здоровенное зеленое пятно. И тут выяснилось, что пол покрыт, помимо пластилина, плотно спрессованным за 75 лет слоем мастики и подгнившего дерева миллиметра в 3-4, который зеленью от пластилина пропитался насквозь. Стал отскребать и его, а, когда добрался до чистого дерева, получилось, что посреди комнаты в паркете – глубокая дыра. Пришлось снова брать в руки циклю и отдирать уже весь пол.

Погрузив немногочисленный скарб и мебель, которыми мы обросли за четыре года, в грузовик, организованный одним из друзей семьи, мы втроем отправились на жительство в центр Москвы. Через 16 лет я снова оказался в коммуналке, но уже в качестве ответственного квартиросъемщика, главы теперь уже самостоятельного семейства. Ну, почти совсем самостоятельного – суммарный доход мэнээса и студентки пятого курса МГПИ составлял 140 рублей, и без родительской помощи нам пришлось бы туговато.